

6. Kulikov, V. I. Ideynaya aksiomatika politicheskoy kontseptsii I. A. Ilyina [Axiomatics of the ideas in the political concept of Ivan Ilyin]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian nation], 2015, vol. 5, no., 5 (43), pp. 68–76.
7. Kulikov, V. I., Shirinyants, A. A. Konservativnyy diskurs v kontseptualnom prostranstve sovremennoy politicheskoy nauki [Conservative discourse in the conceptual space of modern political science]. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/692/>
8. Lavrov, A. G. *Filosofiya kultury I. A. Ilyina* [Philosophy of culture of I. A. Ilyin]. Moscow, 1997, 22 p.
9. Perevezentsev, S. V. "Po ustroeniyu dednyu i otnyu": K voprosu o znachenii traditsionalizma v russkoy istorii "Po Ustroeniu Dedny i Otn" [On the question of the significance of traditionalism in Russian history]. *Tetrady po konservatizmu* [Essays on Conservatism], 2018, no. 1, pp. 243–254.
10. Perevezentsev, S. V. *Ideynye istoki russkogo konservatizma* [Ideological origins of Russian conservatism]. *Voprosy istorii konservatizma* [Questions of the history of conservatism], 2015, no. 1, pp. 11–32.
11. Perevezentsev, S. V., Shirinyants, A. A. Ob istokakh otechestvennogo natsional-konservativnogo diskursa [In Search of Uniqueness. On the Sources of Native National-Conservative Discourse]. *Tetrady po konservatizmu* [Essays on Conservatism], 2017, no. 3, pp. 61–74.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ТРАНСГРЕССИИ В РАБОТАХ Ж. БАТАЯ И М. ФУКО

Тихонова Валентина Львовна, кандидат философских наук
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,
E-mail: opera-15@mail.ru

Закутнов Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Анализируются содержательные значения понятия трансгрессии в работах французских мыслителей XX в. Ж. Батая и М. Фуко. В современном научном дискурсе применение термина «трансгрессии» получило достаточно широкое распространение. Оно используется в разных науках для фиксации феномена перехода непроходимой границы и, как правило, границы между возможным и невозможным. Ж. Батай один из первых разработал философию трансгрессии в рамках осмысления возможности достижения человеком полноты своего бытия посредством выхода за пределы правил и запретов, наложенных обществом. Идея нарушения и преодоления границ дозволенного охватывает широкий круг тем: эротизма, смерти, праздника, жертвоприношения, сакрального и профанного и пр. Человек по своей природе амбивалентен, поэтому Ж. Батай стремился снять «бинарные оппозиции», сведя к единству человеческое и природное (животное), жизнь и смерть. Граница, созданная обществом, отделяет человека от дочеловеческого, от царства чистой тотальности. Акт трансгрессии связан с пересечением границы, возвращающей человека обратно в это царство, позволяя пережить «тотальность реального». Для М. Фуко трансгрессия заключается в нарушении чистого запрета, не связанного с конкретно-социальным содержанием. Под таким абсолютным запретом М. Фуко понимал сексуальность. Великим трансгрессором, по М. Фуко, является безумие. И Ж. Батай, и М. Фуко связывали наличие границ с неприятием человеком низменных проявлений природной сущности, разделяющих миры на профанный, сакральный, трансцендентный. Но все эти миры открыты друг другу в актах трансгрессии – скачке в новое состояние. Поэтому философия трансгрессии не содержит диалектических противоречий; в акте трансгрессии человек становится всем в своей тотальности, он соприкасается с беспределностью, переживает ее в себе, растворяясь в ней. Но акт трансгрессии предполагает также и возврат в предшествующее состояние.

Ключевые слова: трансгрессивный акт, тотальность, жизнь, смерть, эротизм, сексуальность, природное, животное, безумие, границы, запрет, амбивалентность, трансгрессор

CONTENTS VALUES OF TRANSGRESSION IN THE WORKS OF J. BATAY AND M. FUKO

Tikhonova Valentina L., Ph. D. (Philosophy)

Astrakhan State University

20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

E-mail: opera-15@mail.ru

Zakutnov Oleg I., Ph. D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University

20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

The article analyzes the meaningful meaning of the concept of transgression in the works of French thinkers of the XX century J. Bataille and M. Foucault. In the modern scientific discourse, the use of the term "transgression" has become quite widespread. It is used in various sciences to fix the phenomenon of crossing an impassable border and, as a rule, the border between the possible and the impossible. J. Bataille was one of the first to develop the philosophy of transgression in the framework of understanding the possibility of a person achieving the fullness of his being by going beyond the rules and prohibitions imposed by society. The idea of violating and overcoming the boundaries of what is permitted covers a wide range of topics: eroticism, death, celebration, sacrifice, sacred and profane, etc. Man is ambivalent in nature, therefore J. Bataille sought to remove "binary oppositions", reducing human and natural to unity (animal), life and death. The border created by society separates man from prehuman, from the realm of pure totality. The act of transgression is associated with crossing the border, returning him back to this kingdom, allowing you to survive the «totality of the real.» For M. Foucault, transgression is a violation of a pure prohibition that is not related to specific social content. Under such an absolute ban M. Foucault understood sexuality. The great transgressor, according to M. Foucault, is insanity. In general, both J. Bataille and M. Foucault associated the existence of borders with a person's rejection of the low-lying manifestations of the natural essence, dividing the worlds into a profane, sacred, transcendental. But all these worlds are open to each other in acts of transgression - a leap into a new state. Therefore, the philosophy of transgression does not contain dialectical contradictions. In the act of transgression, a person becomes everything in his totality, he comes into contact with infinity, experiences it in himself, dissolving in it. But the act of transgression also implies a return to the previous state.

Keywords: transgressive act, totality, life, death, eroticism, sexuality, natural, animal, madness, boundaries, prohibition, ambivalence, transgressor

В современном научном дискурсе тема трансгрессии стала предметом достаточно широкого интереса: понятие трансгрессии используется в разных науках для фиксации феномена перехода непроходимой границы и, как правило, границы между возможным и невозможным. Самостоятельной философской проблемой данная тематика становится в первую очередь благодаря работам французского мыслителя Ж. Батая, которые послужили основой для дальнейшего осмысления этого понятия его соотечественником М. Фуко, а впоследствии современной наукой в целом.

Разработка темы трансгрессии Ж. Батаем связана, прежде всего, с осознанием того, что человек не достиг полноты своего бытия, что его подлинное существование находится за пределами правил и запретов, по которым живет человечество. Это привело к появлению философской рефлексии, оспаривающей непреодолимость пределов, и утверждающей доступ к подлинному бытию посредством актов трансгрессии.

На новые концептуальные разработки в среде французской интеллектуальной культуры, прежде всего, оказал влияние тезис Ф. Ницше о смерти Бога. А идея негативности, как основного источника деятельности, тематизированная Гегелем и развитая Кожевым, стала основой в разработке идеи трансгрессии. Для Ж. Батая негативность эта и преобразовательная, и разрушительная сила. В предельном случае «детерминированный этими отношениями субъект как таковой "умирает", при этом высвобождая скрытые ранее экзистенциальные потенции» [5, с. 154].

Философия трансгрессии Ж. Батая охватывает широкий круг тем: сакрального и профанного, эротизма, праздника, жертвоприношения, смерти и пр. Объединяет все эти темы идея нарушения и преодоления границ дозволенного.

Основой для осуществления анализа трансгрессивных изменений служит понимание человека как амбивалентного по своей природе существа: не только общество состоит

из соседствующих, но чуждых друг другу миров (к примеру, воровской мир и монастырский), а также человек может вмещать в себе различные противоречащие друг другу миры: «так, в своей семье такой-то человек – просто ангел обходительности, но приходит вечер – и он погружается в разврат» [3, с. 12].

Ж. Батай стремится снять «бинарные оппозиции», сведя к единству человеческое и природное (животное), жизнь и смерть. Для понимания причины, по которой появляются границы, отделяющие эти бинарности, Ж. Батай анализирует последствия введения табу в первобытные времена на инцест, на всякого рода выделения организма человека, испражнения, контакт с разлагающимися трупами. По мнению мыслителя, все эти запреты повлияли на развитие человеческой психики: человек стал испытывать к ним чувство стыда и омерзения. В результате так называемые низменные проявления природного и чисто животного попадают в область проклятого, с которой человек не хочет иметь никаких контактов.

Появление ужаса перед смертью, мертвецами и животными потребностями, а также организация практической трудовой деятельности обозначила «переход от животного к человеку» [3, с. 44]. Соблюдение мер и запретов Ж. Батай связывал с профанной жизнью, а проклятое и отринутое человеком приобрело статус священного, и сопрягалось французским мыслителем с жизнью сакральной, с праздником. Именно праздник разрывает с правилами. Здесь исчезает чувство предела, и появляется чувство уничтожения пределов. Животное – только разбег, так как «сакральное возвещает новую возможность: это прыжок в неведомое» [3, с. 72].

Ж. Батай был уверен, что, отрицая животное в человеке, «человек отрицает сам себя» [3, с. 37]. Но как бы человек не отрицал природное начало в себе, оно не перестает в нём пребывать. Основывая человеческий мир, запрет «осуществляет в нём то, чего не ведала животность: трансгрессию» [3, с. 41]. Граница отделяет человека от дочеловеческого, от царства чистой тотальности. Акт трансгрессии связан с пересечением границы, возвращающей его обратно в это царство.

Другими словами, Ж. Батай подразумевал под трансгрессией выход их круга жизни, смерти и эроса. Жизнь и смерть – это стадии бытия природного мира, которые существуют и без человека. Они не являются актами отдельных событий, а представляют собой единство: так, жизнь зачастую является продуктом разложения (к примеру, перегной благотворно влияет на рост растений; в результате гниения остатков растений, мочевины, трупов животных образуются азотистые вещества и аммиак; во всем органическом мире взаимосвязано протекают процессы отмирания одних тканей и появления других; в телах живых существ обязательными для жизнедеятельности организма являются процессы разложения и гниения и т. д. – *прим. авторов*). Такое взаимодействие жизни и смерти мыслитель относит к сакральной сфере, соответствующей объекту ужаса, который вызван тем, что и жизнь, и смерть рассматриваются в человеческом мире как отдельные события. Но «зловонный предмет, который кишмя кишит жизнью, все-таки служит знаком смерти. Это природа в точке, где её брожение тесно связывает жизнь со смертью, где природа – смерть, переполняющая жизнь» [3, с. 175].

Что касается эроса, то Ж. Батай утверждал нетождественность понятий сексуальности и эротизма. Если сексуальность есть и у человека, и у животного, то эротизм связан с чувством стыда и разыгрывается только в сознании людей, чувствующих иначе, чем животные. Таким образом, сексуальность находится в одном ряду со всем низменным и, соответственно, отвергнутым человеческим миром.

С точки зрения Ж. Батая, несмотря на то, что человек отверг всё «низменное», всё же оно составляет его неотъемлемую природную сущность. Как следствие, человек, желает не только эроса – жизни, но и того, что им отвергнуто и проклято. Природа этого влечения не схожа с представлением З. Фрейда о влечении к Танатосу. Ж. Батай рассматривал человека как целостность, включающую в себя и жизнь и смерть. Поэтому человека влечёт «тотальность реального», переживание которой Ж. Батай описал следующим образом: «Мне кажется, что тотальность того, что есть (мироздание), поглощает меня (физически), а если она меня поглощает, или поскольку она меня поглощает, я не могу от неё отличаться; больше ничего нет, разве что вот, это или вон то, у которых меньше смысла, чем у этого ничто. В каком-то смысле это нестерпимо, и мне кажется, будто я умираю. Вероятно, этой ценой я – уже не я, но бесконечность, в которой я затерялся» [3, с. 91].

Трансгрессия – это и есть постижение тотальности «двойного движения – отрицания и возвращения» [3, с. 59]. Несмотря на то, что в трансгрессивном акте происходит нарушение запрета, всё же запрет остается запретом, соответственно, деяния, связанные с трансгрессией связываются с грехом и кощунством (к примеру, безудержное проявление сексуальности). Поэтому Ж. Батай говорит о возможности переживания внутреннего опыта в результате трансгрессивного акта, связанного с путешествием «на край возможности» [1, с. 12], только в случае отказа человеком от существующих ценностей и авторитетов. В результате, он сам становится для себя авторитетом, заменяя собой и философию, и церковные традиции. Если для феноменологии познание является целью, достигаемой посредством опыта, то для Ж. Батая результат трансгрессивных действий превосходит применение полученного опыта.

Трансгрессивный подход Ж. Батай применил и к религиозной сфере, обращаясь к феномену религиозного экстаза как трансгрессивному выходу за пределы общепринятых в обыденной жизни норм. Такой выход стирает привычный дуализм и приводит к исчезновению бинарностей между ненормальным и нормальным, потусторонним и земным. В трансгрессивном акте с момента пересечения границы меняется мировосприятие: за пределами чувственного открывается сфера умопостижимого. Интеллект или концепт, рассматриваемый как вневременная категория, «определяется как некий наивысший порядок, в подчинении которому пребывает мир вещей, точно так, как он некогда подчинялся мифическим богам. Стало быть, умопостижимый мир уподобляется миру божественному» [4, с. 74].

Таким образом, отрицание существующего состояния человечества приводит в трансгрессивном акте к проявлению новых потенциальных возможностей, элиминирующих предшествующие состояния. Поэтому трансгрессию можно «определить как переход грани возможного, потенциального. Именно данное состояние лишает объекты привнесённой кажимости» [6, с. 13]. Выбор между противоположными представлениями «должен быть связан с невысказанным решением проблемы того, что существует: что существует в качестве глубинного существования, освобожденного от форм кажимости» [2, с. 102].

Как видим, Ж. Батай разрабатывал идею трансгрессии в основном в антропологическом и социальном ключе. Его последователь М. Фуко переносит данное понятие в философский контекст, где трансгрессия не связывается с нарушением человеком социальных запретов для достижения своей целостности через снятие противоречий, а сводится к выходу за собственные онтологические пределы. В этом смысле трансгрессия заключается в нарушении чистого запрета, не связанного с конкретно-социальным содержанием. Под таким абсолютным запретом М. Фуко понимал сексуальность, которая «чертит линию, до которой он (язык) едва-едва может доплеснуть своей пеной на песке безмолвия» [10, с. 400].

В представлении М. Фуко, трансгрессия утверждает беспредельность в момент скачка. Другими словами, если для Ж. Батая трансгрессия не уничтожает запрет в процессе его снятия, то для М. Фуко предел распаивается на беспредельное, трансгрессия «доводит предел до предела его бытия; она будит в нем сознание неминуемого исчезновения..., необходимости испытания своей позитивной истины в движении самоутраты» [9, с. 117].

Новое состояние бытия, связанное с трансгрессивным опытом, человек не может выразить языковыми средствами. То, что известно человеку, включено в пределы границ налично действительного и в его рамках множится уже известное, но выход к новому, неизвестному возможен только в акте трансгрессии, с выходом за пределы. Этому новому только предстоит найти свой язык, что может привести к новой культуре и мышлению.

Трансгрессия, по М. Фуко, может выступать как деструктивный, с точки зрения социума, акт, сводимый к деянию, связанному с нарушением закона, в помутненном рассудке. Несмотря на то, что трансгрессия не безумное, а осознаваемое нарушение общепринятых норм, так как «безумие упраздняет преступление» [8, с. 54], всё же в умах людей она обладает неопределённым налетом безумия. Важно учитывать, что феномен безумия в ходе истории трансформировался много раз, пока психиатрия не продвинулась в развитии до более высокого уровня.

М. Фуко считает, что трансгрессивный акт прослеживается не только при совершении непристойных действий, но даже при языковом назывании непристойного, того, что считается социумом непристойным. Если истинный трансгрессор не может быть безумным, то само безумие может считаться великим трансгрессором. Безумцы не обладают рациональностью,

поэтому они не способны к трудовой деятельности. Они нерациональны и не приносят социуму никакой пользы. В результате, безумцы исключаются из общества, попадая в тюрьмы или сумасшедшие дома.

Безумие трансгрессивно, так как вносит хаос в общественный порядок. Здоровый человек не может воспринять действия безумного вне понятий закона: любое нарушение порядка в социуме связывается со злым умыслом. Соответственно, трансгрессия и безумие переплетены друг с другом и перетекают друг в друга: трансгрессия кажется итогом безумия, а безумие становится трансгрессивным.

И трансгрессия, и безумие выводят индивида из социума, вводя их в разряд асоциальных. Причиной является тесная связь безумия и трансгрессии с животным порядком, который вызывает в человеке страх и о котором он пытается позабыть. Звериное буйствующее начало безумия «лишает человека всего человеческого» [7, с. 181], оно противопоставлено человеческому миру и считается преступным. В результате М. Фуко полагает, что смерть – это предел жизни человека во времени, а безумие ее «предел в животной стихии» [7, с. 183].

Таким образом, основные разработчики трансгрессии Ж. Батай и М. Фуко сфокусировали своё внимание на пределе и выходе за этот предел, на нарушении традиций, законов, границ. Наличие границ связывается и у Ж. Батая, и у М. Фуко с неприятием человеком низменных проявлений природной сущности, ведущим к чёткому разделению миров на профанный, сакральный, трансцендентный, но все эти миры открыты друг другу в актах трансгрессии.

Поэтому в философии трансгрессии мы не встретим диалектических противоречий. Речь идёт уже не о развитии, связанном с единством и взаимообусловленностью противоположностей, не о рождении нового качества, а о скачкообразном переходе в иное состояние бытия. Сама трансгрессия ничего не противопоставляет, её основная цель заключается в выходе за незримую линию-предел. Другими словами, философия трансгрессии не видит противоположности бытия в пределах и за пределами непреодолимой границы. Выйдя за пределы налично бытийного, человек переживает полноту и завершённость своего бытия. В то же время можно ли назвать это состояние бытием как таковым? Человек в акте трансгрессии становится всем в своей тотальности, он соприкасается с беспредельностью, переживает её в себе, растворяясь в ней. Но акт трансгрессии предполагает также и возврат в предшествующее состояние.

Список литературы

1. Батай, Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – Санкт-Петербург : Аксиома Мифрил, 1997. – 336 с.
2. Батай, Ж. Жертвоприношения / Ж. Батай // *Locus Solus: Антология литературного авангарда XX века.* – Санкт-Петербург : Амфора, 2000. – С. 101–110.
3. Батай, Ж. История эротизма / Ж. Батай. – Москва : Логос, Европейские издания, 2007. – 200 с.
4. Батай, Ж. Теория религии. Литература и Зло / пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича. – Минск : Современный литератор, 2000. – 352 с.
5. Жиленков, И. А. Интерпретация философской концепции А. Кожева в творчестве Ж. Батая и М. Бланшо / И. А. Жиленков // *Научные ведомости Белгородского государственного университета.* – 2015. – № 14 (211), вып. 33. – С 153–161.
6. Ткаченко, Р. В. Проблема трансгрессии в философии постмодернизма / Т. В. Ткаченко // *Общество, философия, история, культура.* – 2015. – № 4. – С. 12–14.
7. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – Москва : АСТ: АСТ Москва, 2010. – 698 с.
8. Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / М. Фуко. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 54.
9. Фуко, М. О трансгрессии / М. Фуко // *Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века.* – Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. – 346 с.
10. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург г: А-слад, 1994. – 405 с.

References

1. Bataille, G. *Vnutrenniy opyt* [Inner Experience]. St. Petersburg, Axiom Mithril Publ., 1997, 336 p.
2. Bataille, G. *Zhertvoprinosheniya* [Sacrifices]. *Locus Solus: Anthology of the literary avant-garde of the twentieth century.* St. Petersburg, Amphora Publ., 2000, pp. 101–110.
3. Bataille, G. *Istoriya erotizma* [History of eroticism]. Moscow, Logos Publ. House, European Publ., 2007, 200 p.

4. Bataille, G. *Teoriya religii. Literatura i Zlo* [Theory of Religion. Literature and Evil]. Transl. from French G. Gaikova, G. Mikhalkovich. Minsk, The modern writer Publ., 2000, 352 p.
5. Zhilenkov, I. A. Interpretatsiya filosofskoy kontseptsii A. Kozheva v tvorchestve Zh. Bataya i M. Blansho [Interpretation of the philosophical concept of A. Kozhev in the works of J. Bataille and M. Blanchot]. *Scientific statements of Belgorod State University*, 2015, no. 14 (211), iss. 33, pp. 153–161.
6. Tkachenko, R. V. Problema transgressii v filosofii postmodernizma [The problem of transgression in the philosophy of postmodernism]. *Society, philosophy, history, culture*, 2015, no. 4, pp. 12–14.
7. Foucault, M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of madness in the classical era] Moscow, AST Publ.: AST Moscow Publ., 2010, 698 p.
8. Foucault, M. *Nenormalnyye: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal: A course of lectures delivered at the College de France in the 1974–1975 academic year]. St. Petersburg, 2004, p. 54.
9. Foucault, M. O transgressii [About transgression]. *Thanatography of Eros: Georges Bataille and French thought of the mid-20th century*. St. Petersburg, Mithril Publ., 1994, 346 p.
10. Foucault, M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. St. Petersburg, Academy Publ., 1994, 405 p.

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. М. КОВАЛЁВА ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИИ

Соболев Владимир Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: sobolev@polit.msu.ru

Рассматриваются творческий путь и основные направления идейно-теоретического наследия Александра Митрофановича Ковалёва (1923–2010). А. М. Ковалёв проработал в МГУ имени М. В. Ломоносова 64 года и внёс значительный вклад в становление политической науки в СССР, в подготовку специалистов высшей квалификации. Он был назван Американским биографическим институтом человеком 1995 г., а Кембриджский университет включил его в свой справочник «500 интеллектуалов мира». Его имя включено в изданный в США международный справочник «Кто есть кто в мире» (Нью-Йорк, 1995, 1999). Ковалёв является автором более 350 научных работ, в том числе 28 монографий. Его интересовали закономерности социального и политического развития; политическая теория и практика социального развития; политические перспективы развития человечества. Он исследовал влияние социальных революций; диалектику отношений государства и общества; проблемы мирового политического процесса; классовой борьбы; вопросы социалистического и коммунистического строительства и другие. Многоаспектное творчество Ковалёва, посвящённое не только философским, но и политологическим проблемам, позволяет по праву назвать его одним из основоположников современной российской политической науки. Делается вывод о необходимости всестороннего изучения идейно-теоретического наследия А. М. Ковалёва.

Ключевые слова: А. М. Ковалёв, политическая наука в СССР, история политической науки России

SIGNIFICANCE OF THE IDEOLOGICAL AND THEORETICAL HERITAGE OF A. M. KOVALEV FOR THE FORMATION OF POLITICAL SCIENCE IN RUSSIA

Sobolev Vladimir A., Ph. D. (Policy), Researcher
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: sobolev@polit.msu.ru

The article reviews the creative path and the main directions of the ideological and theoretical heritage of Alexander Mitrofanovich Kovalev (1923–2010). Kovalev worked for 64 years at the Lomonosov Moscow State University and made a significant contribution to the formation of political science in the USSR and to the training of highly qualified specialists. In 1995, Kovalev was named “Person of the year” by American Biographical Institute. The Cambridge University included him in its directory of “500 intellectuals of the world”. His name is included in the international directory “Who is who in the world” published in the USA (New-York, 1995, 1999). He is the author of more than 350 scientific papers, including 28 monographs. Kovalev was interested in the